

ПОРТФЕЛЬ

ДАРЬЯ МЕСРОПОВА
Прозаик, критик. Онанчивает Литературный институт имени Горького. Критические работы появлялись в «Литературной газете», журналах «Нольцо А», «Формаслов» и Rara Avis. Рассказы публиковались в журналах «Юность» и «Незнание».

Между прочим, я способный. В школе учился на четверки-пятерки, стихи пытался писать. Только поступать в институт не стал. Мама сразу сказала, что денег не даст, а без денег разве поступишь? Пришлось идти работать. Работал в общепите, на стоянке сторожем, на кассе в супермаркете, кладовщиком – да много кем. Последние пару лет на продуктовом складе заказы паковал. Но там, во-первых, воняет, во-вторых, холодно. Когда отморозил себе в холодильнике все, что можно и нельзя, решил уволиться. Здоровье дороже.

После увольнения какое-то время слонялся без дела, деньгами мама помогала. Конечно, это не очень приятно, да и перед мужиками неудобно. Сoberемься компанией пивка попить, а я мнусь, потому что пятьсот рублей надо у мамы просить. У нее хоть пенсия есть, а мне-то откуда взять? Потом меня и звать перестали.

Через полгода после увольнения стало совсем хреново. Даже не знаю, как правильно назвать. Вроде как депрессия. Ходил и думал, что вот уже скоро двадцать семь, а нет ни денег, ни работы приличной. Неужели так и придется до старости яйца по складам морозить? Ведь в школе меня хвалили, младшим в пример ставили. Я решил взяться за себя.

Стал вставать рано, отжиматься, из квартиры выкинул хлам, несмотря на мамины протесты, и начал искать работу. Без высшего образования, честно

скажу, сложно найти приличное место. Несколько месяцев я смотрел вакансии, но ничего не привлекало. А потом в «ВКонтакте» увидел объявление: в компанию по оптовой продаже мебели требуется региональный менеджер по развитию. Хорошая зарплата, проценты от сделок – все как надо. Решил, что вот он, мой шанс показать себя, устроиться в солидную компанию, а потом, может, и семью завести. Пора мне уже, да и мама была бы рада. Так-то жениться я давно готов, если б средства позволяли.

К собеседованию решил основательно подготовиться и выглядеть представительно. Костюм взял у кореша, а вот с портфелем вышла засада. Ни у кого из друзей не было приличного, а у меня только мягкая сумка через плечо, как у старшекласника. Ничего, подумал, дело ответственное, нужно вложиться. Пошел в торговый центр возле дома и взял быстрый микрозаем. Проценты бешеные, но я даже не считал. Думал, что легко верну с первой зарплаты. Купил за двадцать пять тысяч портфель «Черутти». Помню, директор склада мне как-то присел на уши и долго рассказывал, какие они крутые. Он и впрямь очень красивый, кожа тонкая, телячья. Теленка забрали у коровы-матери и сделали портфель, чтобы им владел.

Пошел на собеседование уверенный и довольный, только брюки коротковаты. Чувствовал себя королем, девушка одна с интересом глянула. На со-

беседовании вроде я все отвечал, улыбался. Портфель продемонстрировать не удалось. Думал ручку красиво достать, но там только устно спрашивали. В конце сказали: «Спасибо, мы с вами свяжемся». Я ждал. Не звонят. Позвонил сам. Сказали, что выбрали другого кандидата.

И так меня эта неудача огорчила, что я забухал немножко. А потом снова какой-то кризис бахнул, работы вообще не стало. Из микрозаймов стали названивать, кредит-то я не платил, еще проценты и пени набежали прилично. Пришлось маме признаться во всем. Она, как узнала, что за какой-то портфель можно такие деньги отдать, просто взбесилась. На эмоциях хотела его с балкона выбросить, но я удержал. Сказал, что продам. И даже выставил объявление на «Авито», но там торгуются за копейку. За те деньги, что я отдал, конечно, уже никто не хотел брать. Один раз даже встретился с покупательницей – она хотела купить подарок мужу на юбилей. Она так и сказала: «Муж уходит на пенсию» – и посмотрела на меня как бы с надеждой. Я не знал, какой звук подходит для этой новости, и молча достал портфель из тканевого мешка. Женщина покрутила его по всем осям, поскребла ногтями кожу и даже зачем-то понюхала подкладку. Я не удержался и тоже понюхал. Пахнет мокрой землей и сеном. Покупательница сказала, что хорошо бы уступить, и посмотрела на меня выжидательно. Я совершенно растерялся и снова промолчал. Вечно я теряюсь, когда происходит что-то нелепое или стыдное. А женщина сама отказалась, ей не понравились заломы на коже. Они появились, потому что внутрь я старые газеты напихал, чтобы он форму не потерял. Так портфель вернулся домой. Маме пришлось сказать, что жалею об этой покупке, да и вообще о бездумном кредите. Но о портфеле я не жалел. Он только мой, и это стоит любых денег.

Без работы делать нечего, и я стал часто ходить в парк. Куда еще бесплатно пускают? Там всегда девочки стайками гуляют, вот одна и зацепила. Красивая такая, черноволосая. И имя красивое – Диана. Из Молдовы на заработки приехала, всего девятнадцать лет. Позвал к нам жить, мама не возражала, хотя и не очень радовалась. Мы прожили полгода, я жениться захотел, она говорит, что сначала надо к родным в Молдову ехать, сватать, чтобы официально. Ну надо так надо. Я собрался ехать, у мамы занял на дорогу. И уже почти перед самым отъездом она меня на кухню зовет поговорить. Усадила, в ноги мне практически упала и рыдает. Оказалось, у нее ребенок есть, четыре года уже, с мамой живет. Я обалдел, конечно. Никак не ожидал, что в таком

возрасте может быть ребенку четыре года. Жениться на ней я сразу же расхотел, но очень уж жалко ее. Мама, как узнала, велела ей убираться из нашей квартиры. Но я же мужчина, почему она командует моей женщиной. Сказал: нет, она никуда не пойдет. Мама сказала, что вызовет миграционную службу для проверки документов. Я сказал, что мы сами уйдем. Не ожидал такого от матери. Она отпустила нас как будто с облегчением даже.

В общем, пошли мы снова в микрозаймы. Взяли сто пятьдесят тысяч на мой паспорт, Дианка же не гражданка, и сняли малогабаритную квартиру. Она маникюрщицей устроилась, а я опять кладовщиком. Деньги все на съемную квартиру уходили, и, как назло, то холодильник сломается, то ботинки сносятся. Короче, кредит снова ушел в бешеные проценты. В целях экономии я стал выносить продукты со своего склада. Когда меня раскрыли, уволили без скандала, спасибо им за это. Диана, оказывается, за год маникюра скопила достаточно, чтобы уехать к сыну. Как я понял, там еще и отец ребенка нарисовался.

В общем, я вернулся к маме. Сказал, что при сокращении большую компенсацию выплатили. Она очень обрадовалась. Сказала, что скоро и невеста достойная съестся. Про второй мой кредит она узнала случайно. Я не успел забрать письмо из почтового ящика. А там сумма с процентами и пенями уже двести восемьдесят тысяч. Мама сначала не поверила. Думала, это мошенники. Пришлось все объяснить. Честно говоря, я немного перевел стрелки на Дианку.

Вместе с мамой мы решили, что надо закрывать мой кредит. Я устроился в шиномонтаж, а мама уборщицей в детский сад на полставки. Но с этими микрозаймами такое дело, что проценты только растут. Мы стали еще больше экономить: выгадывали «счастливые часы» в магазинах, покупали битые яйца на рынке – так значительно дешевле. Раз в неделю мы устраивали «разгрузочный» вечер: я брал себе пива с полосатиком, а маме покупал фундук в шоколаде, любит она его, хоть и дорого, и усаживались смотреть «Уральских пельменей». Хорошее время было. Под «Пельменей» я доставал из-за кресла портфель. Все равно он мне очень нравился, он ведь не виноват в том, что проценты растут как на дрожжах. Было приятно разглаживать морщинки на поверхности кожи, обводить пальцем круглые следы, как будто от прививки. Наверное, укусы или ранки. Теленок немало пострадал, прежде чем лишился шкуры. Помню, в школе нам рассказывали, что нацисты так поступали с людьми. Шили изделия из человеческой кожи. Это сложно представить. А мой теленок лежал

прямо на коленях. Беззащитный и обнаженный. Наконец он может отдохнуть от страданий. Поглаживая мягкую кожу, я успокаивал его и успокаивался сам. Иногда мы так и засыпали вместе.

Маме все это не очень нравилось. А по мне, ничего такого. Не хуже, чем пиво пить. Она начала прятать от меня портфель, но я всегда находил его по запаху. Она не чувствует, а я четко слышу запах земли и сена. Чтобы мама не сделала ему что-нибудь нехорошее, я стал ходить с ним повсюду: на работу, в магазин, клал на ночь рядом с кроватью. Один раз мама пылесосила, я пошел мыться. В душе неожиданно ошпарила мысль: он же совершенно беззащитен! Мама может выкинуть его с балкона, как обещала, или отдать соседке. Я так испугался, что выскочил голый из ванной. Мама тоже перепугалась. Я по глазам видел: она хотела сделать плохое, но не успела. С этого момента я стал и в душ с ним ходить, и в туалет.

В общем, мама уговорила меня лечь в больницу на Ганнушкина. Она требовала, чтобы я не брал с собой портфель, но я настаивал, и врач в приемном покое разрешил. Хороший доктор. В больнице мне понравилось. Сначала было неприятно видеть других пациентов, а потом привык: ну подумаешь, психи тоже люди. Я с ними быстро общий язык нашел. В основном они мирные, только от лекарств ни стоять, ни лежать не могут, все время двигаются. Это утомляет. Ну и спиной нельзя поворачиваться, это на всякий случай.

Как раз когда я лег в больницу, нами заинтересовались коллекторы. Тогда их еще не прищучили и была полная безнаказанность. Они пытались выломать дверь, залили клеем замок, писали на стене подъезда, что все желающие могут получить интим в квартире номер сто пятьдесят семь. Маме было нелегко отбиваться от их звонков и визитов, и она решила пока переехать в бабушкин дом в области. Там не было воды и отопления, но, по крайней мере, спокойно. Раз в три дня мама меня навещала, привозила домашнюю еду и чистую одежду. Говорила, что все будет хорошо, только бы меня вылечили. Потом мы кредит спишем – я ведь теперь инвалид. Хорошо бы найти мне достойную девушку, чтобы ухаживала за мной, как мама.

Самое главное, что в больнице я познакомился с Никой. От одного имени теплеет в пояснице, а смотреть на нее просто невозможно: мозги откачивают от такой красоты. Ника слышала голоса в голове и несколько раз в год впадала в депрессию. Но с кем такого не бывает? И у меня такое было, да и почти у всех. Короче говоря, я решил,

что раз она не опасная и очень красивая, надо попробовать познакомиться поближе. Начал к ней в палату заглядывать, анекдоты про наших психов травить и помогал толстых соседок от говна отмывать – санитарку разве дождешься. Ника сперва на меня внимания особо не обращала, много у нее таких, а потом вроде как потеплела.

Мы стали общаться по-дружески, все друг другу рассказывать. Конечно, мы не столько дружили, сколько флиртовали, но разговаривали по-простому, откровенно. Я даже решился спросить по поводу груди, настоящая ли она. Уж больно шикарная. Ника несколько не смутилась и ответила, что нет и что сделать грудь – идея мамы. Мама дала денег и велела идти на операцию, чтобы не киснуть после развода и строить свою жизнь. Врач сделала все в лучшем виде: из первого размера – четвертый. Сразу, как спал отек и стало меньше болеть, Ника начала носить декольте, а мужчины начали сходить с ума. Она со смехом рассказывала, что мужики действительно тупеют при виде бюста и никуда больше смотреть не могут, только в блузку. Бывший тоже на грудь запал. Он был при деньгах, но о женитьбе и детях даже слышать не хотел. Ника сказала, что теперь ищет надежного и семейного. А если вдруг такой не сыщется, то всегда можно сделать из четвертого размера шестой и тогда уж точно выйти замуж за кого угодно. Я сказал ей, что готов жениться хоть сейчас. Только сначала на работу новую устроюсь и начну зарабатывать. Я ведь способный. В школе учился на четверки-пятерки, младшим меня в пример ставили. Ника посмеялась, но и не отказала.

Я так обрадовался, не могу передать. Ужасно захотелось показать Нике мой портфель. Я пошел к себе, старался идти спокойно, но в итоге не выдержал и побежал. Сильный земляной запах почувствовал еще в коридоре. Когда я вбежал в палату, он уже был там. Беспокойно переступал тонкими ногами, тыкался белым пушистым лбом в больничные тумбочки. На звук моих шагов поднял влажные глаза. Он искал меня, он звал меня, а я все не приходил. С теленка содрали кожу и сделали портфель, чтобы я им владел. Но я плохо им владел: чуть не продал, чуть не позволил его выбросить, а теперь вот оставил в палате совсем одного. Космические черные глаза смотрели укоризненно. Показалось, что мое сердце сейчас разорвется, как переполненный мешок. Нет, он достаточно натерпелся. И никакую Нику к нему не подпущу. Я протянул руку и коснулся прохладного кожаного носа. Не бойся, милый, теперь никто не посмеет обидеть тебя. Я буду твоей коровой-матерью.